

но даже и к своим национальным корням: «Так и живу, как в нереальности, / и тесен мне один народ — / я никакой национальности, / демографический урод» (Шаг влево... С. 53).

В качестве основной интонации своей поэзии Т. называет ее песенность, «сентиментальность» и «самоиронию» (Г. Заславский).

В песенном творчестве выступает наследником традиции фольклора и близких ему поэтов, в частности, С. Есенина, о котором на вопрос, чем он близок тюремно-лагерному миру, высказывается: «Есенин изначально песенно писал. Он ближе всего к народному стихосложению, понятному большинству людей. Потом Есенин такой тревожный поэт, тревожной судьбы, он был не в ладах с советской действительностью, этим он тоже близок уголовному миру... Есенин по стихосложению прост, как народная частушка, поэтому имеет успех у народа. А лагерь — это народ!» (Там же). О присущем Т. таланте песенной стилизации исследователь пишет: «Как истинный профессионал, Танич мастак в стилизации. Вам нужен (или, вернее, ему самому приглянулся) „высокий“ романс? Извольте, „День ангела“: „И время — как рояль из черно-белых клавиш, сегодня мой рояль настроен на минор“. Романс цыганский? Пожалуйста, „Три линии“: „Чему быть по линиям — все покрыто инеем, но это — жизнь, а это я, а ты — любовь моя!“ Так называемая поездная песня, изо всех своих сил норовящая разбередить ваше сердце подробностями узнаваемой жизни? „Она на Кировской служила, на Почтампе, налево в зале, в девятнадцатом окне...“ Местечково-еврейская? „Подумаешь, забота, что снова есть охота, подумаешь, погромы! А гиц ин паровоз!“ Подражание Вертинскому? И это можем...» (Рассадин Ст.— С. 222).

В 1992 Т. приступает к реализации проекта группы «Лесоповал» — как своеобразного «большого... романа в песнях о сталинском лагере, который я хорошо знал...» («Играла музыка в саду...» С. 188). Называя свой проект также «новеллами о лагере», поэт поясняет: «Герой моих песен — бывший уголовник малолетка, мелкий воришка. Никто прежде не разрабатывал этой темы так подробно» (Г. Заславский), «Моя группа „Лесоповал“ не романтизирует криминальную жизнь, а наоборот, рассказывает о том, что воровать плохо. „Песня воришки“ — это исповедь человека оступившегося, а не закоренелого преступника-рецидивиста» (А. Семенов).

Помимо группы «Лесоповал» (солист С. Кожуков) песни на стихи Т. исполняли

Э. Хиль, И. Кобзон, В. Леонтьев, В. Сюткин, Ю. Антонов, А. Малинин, Ф. Киркоров, А. Апина, Катя Лель и др. Им написаны песни к полусотне кинофильмов.

О своей неразрывной связи с минувшим веком и заодно о нынешнем времени поэт сказал: «Сегодня, оглядываясь назад и всматриваясь в прожитые годы, я вдруг стал понимать, что через мою жизнь можно писать биографию страны, которая называлась Советским Союзом. Я родился <...> был еще жив основатель этой страны. Так что пережил все этапы нашей советской истории. Я говорю „советской“ сознательно, потому что и сегодня продолжается очередной этап. К сожалению, другого не могло и быть, потому что у руля власти те же „обком обкомовичи“. Молодые реформаторы совсем недавно были комсомольцами — верным оплотом и резервом партбоссов. И вот наши „рулевые“, наделав массу ошибок, зовут углублять реформы, при этом забывая выплачивать заработную плату тем, кто их кормит, поит, одевает, обувает, учит их детей и внуков в школах, лечит и старается привить им культуру» (А. Семенов)

Соч.: «Я куплю тебе дом...» М., 1995; Жизнь. М., 1998; «Играла музыка в саду...» М., 2000; Проводы любви. М., 2002; [Стихи и песни]. Смоленск, 2003.

Лит.: [Краткая биогр. справка] // Танич М. Улицы. М., 1966; Рассадин Ст. ...А все хорошее есть мечта // Танич М. «Я куплю тебе дом...» М., 1995; Заславский Г. В есенинских традициях (Беседа с поэтом М. И. Таничем) // Независимая газ. 1997. 21 окт.; Григорьев К. «Странность — пишу песни...» (Беседа с поэтом-песенником М. И. Таничем) // Московская правда: Ночное рандеву. 1998. 29 янв.; Семенов А. «Считайте меня средним классом, на который должно опираться государство» (Беседа с поэтом) // Щит и меч. 1998. 27 февр.; Миловидова Л. «Я все время придуриваюсь молодым!» [Беседа с поэтом] // Тверская, 13. 1998. 29 окт.

А. И. Михайлов

ТАРАСОВ-РОДИОНОВ Александр Игнатьевич [25.9(7.10).1885, Астрахань — 3.9.1938, в заключении] — прозаик.

Т.-Р. родился в семье землемера. Мать из мелкопоместных дворян Черниговской губ. В 13 лет Т.-Р. остался без отца, старшим в семье из 7 детей. Зарабатывал уроками, одновременно занимаясь в гимназии. В 1903 Т.-Р. поступил на юридический ф-т Казанского ун-та, но, не окончив его, в 1907 уехал за границу, жил в Париже и Брюсселе. В 1908 Т.-Р. приехал в Омск, где до 1913 служил

агентом по продаже сельхозтехники, благодаря чему объездил всю Россию и Сибирь. В 1913 Т.-Р. вернулся в Казань и сдал гос. экзамены за курс ун-та.

В 1915 Т.-Р. призвали в армию. Он был солдатом, юнкером, а с 1916 — офицером. Т.-Р. принимал деятельное участие на руководящих постах в Февральской и Октябрьской революциях (контролировал арест Николая II), воевал на различных фронтах в Гражданскую войну, закончив ее в звании командарма. В 1921 Т.-Р. был среди тех, кто штурмовал восставший Кронштадт. В 1921–24 Т.-Р. служил следователем в Верховном трибунале и в то же время начал заниматься литературой. Т.-Р. входил в лит. группу «Кузница», был среди организаторов группы «Октябрь», затем входил в РАПП, с 1926 служил редактором худож. лит.-ры в ГИЗе, руководил лит. кружками на московских заводах.

Широкую известность Т.-Р. принесла первая повесть **«Шоколад»** (1922). В ней рассказывалось о том, как председатель местного ЧК Зудин был обвинен в преступлении: сочувствуя тяжелому положению бывшей балерины Вальц, Зудин принял ее к себе на службу. Жена Зудина без ведома мужа имела неосторожность принять в подарок от бывшей балерины шоколад. На Зудина был написан донос; следственная комиссия признает Зудина виновным в получении взятки. Это получает огласку среди товарищей по работе, среди обывателей. Хотя судьи и ближайшие товарищи Зудина очень быстро убедились в его полной невинности, власти (чтобы снять с себя тень подозрений) обвиняют Зудина в попрании партийной чести. Его, истового приверженца революционных законов (совсем недавно он приказал расстрелять около ста арестованных в отместку за убийство одного чекиста), теперь самого приговаривают к смерти. Было принято решение не медлить с исполнением приговора, привести его в действие в тот же вечер. Зудин соглашается с этим мнением, следуя пропагандируемой им самой идее, в соответствии с которой гибель без вины во имя революции вполне оправдана.

Повесть не блистала лит. совершенством, критика отмечала: «В самом деле, ведь тут насчет стиля, композиции, конструкции что-то не ново. А рассказ волнует, не отрываетесь от него до последней страницы, и бродят мысли самые нужные и значительные, потому что есть кое-что помимо стиля и композиции, что-то, пожалуй, важнее формы, это — ум, постигший сконцентрированную мысль эпохи, сердце, чуткое к ее глубочайшей муке»

(Коган П. С. Литература этих лет. М., 1924).

Почти все писавшие о «Шоколаде» неизменно сравнивали эту повесть с появившимся вскоре после нее романом И. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова», в котором тоже кристально чистый чекист Курбов становится невольной жертвой коварной женщины. Находили даже помимо сходства темы и сюжета тождество в стиле этих двух произведений: «Курбов» Эренбурга был написан ритмической прозой, и в «Шоколаде» — «переходы от прозы простой к прозе ритмованной и даже рифмованной» (Горбачев Г. Революционная художественная проза // Горбачев Г. Очерки совр. русской литературы. Л., 1925). Н. Чужак в статье «Салонницы, умученные критикой» отмечал, что эти два произведения могут вызвать лишь нездоровый интерес читателя, потому что «то и другое — цыплячи попытки потыкаться обывательской мордочкой в сакраментальные словечки: Губподвал, Лубянка, Вечека» (Горн. 1923. № 8). Но Эренбург и Т.-Р. относились к чекистской идеологии с прямо противоположных позиций. Если у Эренбурга слепая верность революционным идеалам, допускаемая ради нее жестокость, аскетичность и самоотдача героев вызывали как минимум неприятие, то Т.-Р. разделяет мысли своих персонажей об отдаче делу революции чести и жизни, пытается в меру своих худож. возможностей внушить это читателю, заставить его переживать то, что переживают герои «Шоколада».

В повести **«Линев»** (1924) Т.-Р. несколько отошел от современности, перенесся в годы Гражданской войны. Рассказ о наступлении белочехов в Сибири, о боях за Тюмень, об американо-французских шпионах получился занимательным, но того резонанса, что Т.-Р. получил от своей первой повести, не было. С такой же фабульной занимательностью, сознательным использованием приемов авантюрно-детективного жанра были написаны и две повести Т.-Р., вышедшие в 1931, — **«Гибель барона»** (о разгроме войск Врангеля) и **«Пятый патрон»** (о подавлении кронштадтского восстания).

Основным же произведением Т.-Р. должна была стать задуманная им трилогия **«Тяжелые шаги»**. В 1927 была опубликована первая часть эпопеи — **«Февраль»**, в 1930 — вторая — **«Июль»**. В них подробно рассказывалось о Февральской революции и предоктябрьских событиях. Однако завершить задуманную трилогию писателю не удалось. В 1937 Т.-Р. был подвергнут массовой травле в газетах, а затем арестован

и расстрелян. После второго издания романа-хроники «Февраль» в 1931 книги Т.-Р. в России не переиздавались. Лишь в 1967 вышла пьеса «Высшая мера наказания», которую М. Макляровский и К. Рапопорт написали по мотивам повести Т.-Р. «Шоколад».

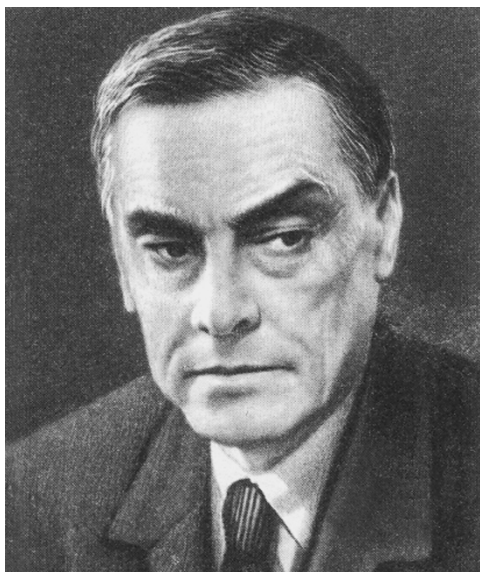
Соч.: Тяжелые шаги: Трилогия. 2-е изд. М., 1931; У Ленина // Живой Ленин: Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., 1965. С. 118–121; Шоколад: повесть // Собачий переулочек: сб. М., 1993. С. 265–283.

Лит.: Воронский А. Тарасов-Родионов // Воронский А. Лит. портреты. М., 1929. Т. 2.

В. В. Попов

ТАРКОВСКИЙ Арсений Александрович [12(25).6.1907, Елисаветград — 27.5.1989, Москва] — поэт, переводчик.

Отец за участие в народофильском движении отбыл пятилетнюю ссылку в Якутии, а затем, став служащим Елисаветградского Общественного банка, работал внештатным корреспондентом местных газ. Мать работала учительницей. К поэзии Арсений приобщился с ранних лет, посещая с отцом госторольные вечера Ф. Сологуба, К. Бальмонта, Игоря Северянина. Окончив в 1924 трудовую школу-семилетку, через год поступил на Высшие лит. гос. курсы при Союзе поэтов в Москве, которые окончил в 1929. В конце 1920-х — начале 1930-х сотрудничает в газ. «Гудок» и ж. «Прожектор» как автор стихотворных фельетонов и судебных очерков, со-

А. А. Тарковский

здает для радио агитпоэму «Стекло». С 1933 при содействии Г. А. Шенгели начинает переводческую деятельность, с 1934 выпускает книги переводов. Осенью 1940 знакомится с Мариной Цветаевой, которой потом посвятит стихотворный цикл («Памяти Марины Цветаевой», 1941–1963). В 1941, признанный негодным к воинской службе, уезжает вместе с семьей в Чистополь, откуда неоднократно обращается в Москву с просьбой об отправке в действующую армию. С дек. 1941 — корреспондент газ. «Боевая тревога», участвует в действиях Московского, Брянского и 1-го Балтийского фронтов. В 1943 получает звание гвардии капитана, после тяжелого ранения переносит ампутацию ноги. В 1945 подготовил книгу **«Стихотворения разных лет»**, матрицы которой после постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (1946) были уничтожены. По окончании войны активно занимается переводческой работой, преимущественно с восточных яз. (вершины — из Махтумкули — с туркменского и из Абу-иль-Аля аль Маари — с арабского). Удастаивается Гос. премий Каракалпакской АССР (за переложение эпической поэмы «Сорок девушек») и Туркменской ССР. Но в одном из стихотворений скажет: «Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова» (**«Переводчик»**).

Судьба Т.-поэта сложилась уникально. Первые стихи он опубликовал в 1926 в студенческом сб., но как оригинальный поэт предстал перед читателями лишь в 1962. Его книги **«Перед снегом»** (1962) и **«Земле — земное»** (1966) стали лит. событием, а вошедшие туда стихи четырех предшествующих десятилетий — явлением современности. Как новаторский был воспринят и сб. **«Вестник»** (1969), вобравший лирику предыдущих книг и дополненный более ранними и более поздними стихами. В дальнейшем только сб. **«Зимний день»** (1989) добавит новые произведения в творческое наследие Т., а вышедшие при его жизни «Волшебные горы» (Тбилиси, 1978), «От юности до старости» (1987), «Быть самим собой» (1987) и др. окажутся лишь книгами избранного. Так что говорить об эволюции Т.-поэта трудно и вряд ли целесообразно, ибо Т.— «поэт позиции», а не «поэт пути» (по терминологии Д. Е. Максимова), и подходить к его поэтическому миру следует как к целостной системе. Выделяется разве что «поселковая повесть» **«Чудо со щеглом»** (из книги «Зимний день»), по признанию автора, продолжающая традицию «Тамбовской казначейши» и «Домика